

Микке Станислав
Главный редактор ежемесечника «Палестра»
Варшава

КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ - КОТЛАС

Вечером мы идем по улицам Котласа. По большому счету, город построили рабским трудом лагерники. Меня сопровождает российская журналистка Светлана Филонова, с которой я познакомился в 1995 году в Катыни во время работ по эксгумации.

Старая часть города расположена вдоль улицы Ленина. Дома серые, никакие, в стиле раннего социализма. В этой застройке заключена какая-то казарменно-тюремная черта. Старые и очень старые деревянные дома не являются типичными для северных районов, уверяет Светлана. Но, однако, эти дома, хотя и крайне бедные, имеют уже свой характер. Покрашены они в голубой или зеленый цвет, с белыми оконными рамами. На значительной части улицы Ленина тротуар заменяют доски - уложенные либо на земле, либо на деревянных кольях(?), вбитых в землю - вдоль проезжей части. Узкая полоса между теми тротуарами и убогими домами заросла болотной растительностью.

С одной стороны города находится Лесозавод - лесное предприятие. Я уже знаю, что именно в этом самом направлении находится кладбище Макариха. На другой, противоположной стороне, построен ДОК - комбинат обработки дерева. Когда-то здесь были размещены многочисленные лагеря. А сам комбинат построили в 60-х годах на территории лагерного кладбища. Люди из «Совести» скажут: «Сделано это предумышленно. В рамках акции по заметанию следов настоящей истории этой земли».

На следующий день вместе с Андреем Хмелем едем на кладбище Макариха. Это огражденная, заросшая лесом огромная территория. В одном из его углов, у дороги, недавно установлен крест силами Совета Защиты Памяти Бить и Мученичества. Под ним расположена памятная доска с надписью «1930-1939-1956 полякам, россиянам и всем умершим, замученным в котласских лагерях: Матерям, Дочерям, Сыновьям... Соотечественники из Польши, Варшава 1995г.». Входим на это «недействующее» кладбище. Вдоль одной стороны, перпендикулярно шоссе, где территория оседает, тянутся ряды гаражей и сараев. Доктор Хмель говорит, что они расположены по краям кладбища.

- На людских костях,- добавляет, чтобы не было уже никаких сомнений. Большинство могил только чуть видно. Территория, кроме деревьев, заросла кустами. Лучше сохранились только те могилы, которые ограждены характерным для российских могил способом. Можно также найти немногочисленные могилы католиков. Мы наткнулись на католический крест, который упал, но кто-то его поставил и привязал к дереву. Из немногих сохранившихся надписей следует, что последние захоронения имели место быть в половине 50-х годов.

Вдоль и поперек прохожу кладбище, пробираясь сквозь густые заросли. Значит, это где-то здесь, среди полувековых деревьев и кустов... Это где-то здесь безымянно покоятся Его останки...

Брат моего отца Станислав Микке умер в нечеловеческих условиях 21 февраля 1944 года, переведенный из котласской тюрьмы незадолго до смерти в один из здешних лагерей. Был дан срок 10 лет. НКВД сфабриковал дело о шпионаже. Но, кроме того, присудили такой срок и по другой статье за то, что было на самом деле - отказ от принятия советского гражданства. Станислав был арестован в 1943 году тотчас же после ухудшения польско-советских отношений.

Андрей Хмель работает врачом-психиатром в местной тюрьме. Он установил место расположения старой тюрьмы, которое было ликвидировано в 1947 году. Находилось оно на высоком берегу Вычегды, в данный момент там находится бетонный завод с угасающей продукцией. Два работника котельной сказали, что им известно о существовании старой тюрьмы. Однако никаких построек не сохранилось. Старая женщина, которая неподалеку грабила сено, ничего не слышала о тюрьме. Однако она хорошо помнит лагерь - показывает в сторону ДОКа. Видела (слезы застилают ей глаза от воспоминаний) конные возы, наполненные трупами:

- Это было страшное зрелище. Свисающие руки, свисающие ноги... Они умирали десятками, сотнями...

Добавляет, что позднее дети учились писать на обратных сторонах списков лагерников и на разных других подобных документах, потому что не было бумаги.

Едем дальше. На ДОК - как тут говорят. По дороге доктор Хмель замечает какую-то старушку и просит остановить автомобиль. Спрашивает о лагерях, тюрьме. Женщина недослышала, объясняет, что ей уже 89 лет. Да, знает, что здесь были лагеря, мучили, убивали невинных людей. Голос дрожит. Но позднее улыбается как беспомощный ребенок. Больше может рассказать проходящий старый мужчина. Подтверждает, что в районе комбината, около которого мы сейчас и находимся, были лагеря и этапные пункты ссылок. Мертвых хоронили на территории, где теперь построен ДОК. Спрашиваем о поляках. Говорит, что его сосед поляк - Миколай Антонович Муравский. Охотно соглашается отвести нас к нему. По дороге говорит, что является родовитым, и это подчеркивает, немцем. Его отец был репрессированным.

От лагерного кладбища сохранился лишь кусок. На нем стоит крест и доска с идентичным содержанием, что и на кладбище Макариха. Кто-то возложил тут искусственные цветы.

Эти два польских креста в Котласе - это единственные, кроме умирающей человеческой памяти, следы человекоубийственной политики на этой земле.

Позднее идем в местный музей. Это деревянное одноэтажное здание. Здесь немного экспонатов народного фольклора. Нет никакой экспозиции, посвященной настоящей истории. Даже нельзя узнать, что городские права Котлас получил во времена правления Керенского. Светлана в какой-то момент говорит:

- Этот город, эти дома выглядят так, как будто построили их, чтобы здесь не жить, а убежать отсюда.

Работники музея приветливы. Говорят, что материалов, касающихся поляков, очень мало. По сути дела, всё, хоть и не знают что, находится у Ирины Дубровиной. Сейчас она в Соединенных Штатах и никто не может эти материалы показать.

В музее есть одна папка. В ней нет ничего особенно интересного. Есть мало что говорящие короткие воспоминания. Также есть «Вестник Культуры» № 1 за 1990 год, изданный Министерством Культуры Республики Коми. Там опубликовано по-польски стихотворение Яна Рамоцкого под названием «Молитва». Вот одно из четверостиший:

От неуверенности каждой ночи,
От отчаянных рук без помощи.
От боли перед тем, что наступит,
Защити нас, Боже.

До наступления вечера еще раз едем на кладбище Макариха. На дереве около креста, на большой высоте, стоя на плечах водителя, я прибиваю двухязычную доску: «Сп. Станислав Микке 1898-1944. Опекун вывезенных поляков, замученных НКВД в Котласе. Пускай Польша приснится Тебе».

На следующий день едем до Харитонова. Дорога ведет через Коряжму. В «Воспоминаниях об изгнании» Станислав Микке так описал приезд и пребывание тут:

Выгрузились мы в Коряжме 1 марта, и в тот же день меня отправили вместе с несколькими семьями в Харитоново, куда прибыли в 19 вечера. Разместили нас в клубе, а на другой день на постоянное жительство поселили в бараках. На второй же день после нашего прибытия поделили нас на рабочие бригады, а в третий день пошли мы первый раз на работу. Меня определили к бригаде «разгрузчиков», то есть для разгрузки леса из вагонов на площадку. Мы работали в две смены, то есть по 12 часов. Больше всего сказались ночная работа на неосвященных территориях. Часть наших пошла работать на «холодную сплотку», часть на лесопильный завод, где также запрягли и наших женщин. Только имеющая маленьких детей или освобожденная врачом от работы могла не работать. Заработки были очень скудные, от 2 до 4 рублей за день. В целом притесняли нас десятники и начальники ужасно. Местное население, состоящее большей частью из старых переселенцев, поначалу также относилось к нам недружелюбно. Вообще нас принимали за «панов» и всевозможными способами старались нас достать, заставляя не раз

работать по 14 и 16 часов в сутки. Однако после короткого времени убедились, что эти «панове» работы не боятся и выполняют ее иной раз лучше и проворнее, чем их местные люди. Тогда отношения более или менее поправились. (...) В общем, дело обстояло плохо, хотя хлеба, что правда, получали мы по 1 кг на работника и 500 гр на «иждивенца». Домашние запасы через пару месяцев исчерпались, в «магазинах» никаких продуктов нельзя было достать, очень редко выдавали в малых количествах сахар или конфеты. В столовой можно было получить лучшие мясные обеды, но наши заработки не позволяли нам этого. Ситуацию спасали посылки с продуктами, присылаемые семьями, оставшимися на родине, или знакомыми. К сожалению, не все получали такую помощь. Спасались, выменивая постельные принадлежности, одежду, обувь на продукты питания. Это довело некоторых до крайней нищеты, так как купить что-нибудь из одежды в магазинах было трудно, а на работе одежда быстро выходила из строя. Помочь этому было никак нельзя.

Отношение властей НКВД во многом зависело от индивидуальности коменданта данного поселка. В целом можно сказать, что высшие органы той власти определяли, как опекать и притеснять нас. Кроме общих приказов, в которых не разрешались совместные собрания для разговоров, совместные молитвы, беги, уклонения от работы и т.п., со специальным усердием старались вбить нам уверенность, что мы здесь останемся навсегда. Польшу высмеивали и противопоставляли ей свой строй, справедливый для каждого гражданина.

В городе ужасный запах с целлюлозного завода. Выезжаем на песчаный берег Вычегды. Это большая вода. Вокруг красивый пейзаж. Нет здесь никаких мостов. Переплываем примитивным паромом. Старую баржу, прибываясь к песчаным низким берегам, тянет привязанный сбоку маленький катер. Безобразная и опасная перевозка, хотя движение грузовых машин достаточно интенсивно. Позднее едем дорогой, посыпанной не столько гравием, сколько маленькими камнями. Длинные расстояния проезжаем со скоростью едва 20 км/ч. Только на нескольких километрах положен асфальт. Минуем деревни Михайлево и Заболотие, проезжаем через мост на реке Дег. После 2,5 часов въезжаем в Харитоново.

Ищем старых людей, тех, которые могут помнить 40-е годы. Спрашиваемые люди перечисляют фамилии тех, кто недавно, несколько лет назад, умер. Кто-то направляет нас к скромному хозяйству. Там, говорит, живет немка, Ерна Александровна Лорена. Немного чудная: нет у нее ни телевизора, ни радио, все ее раздражает.

С нами фрау Лорена охотно разговаривает. Рассказывает, что жила с семьей среди поволжских немцев. Отца убили в 1938 году. Во время войны попала на работы в Германию. Помнит, как после войны приезжали засланные из Советского Союза. Уговаривали вернуться. Мудрые люди, более образованные, не дали себя обмануть. Но она поверила, что вернется к своему дому. А вывезли ее прямо на Колыму. В Харитоново попала в 50-х годах. Тут приказано было ее поселить.

Знакомимся с другой пожилой женщиной. Носит два имени. Ядвига Бронислава. Родом из Белоруссии. Не знает, является ли она полькой. Возможно, что так, - говорит, задумываясь. Ей, как сама говорит, около 80 лет. Около, так как не знает точно, когда родилась. Родители умерли во время выселения, она тогда была еще ребенком. В Харитоново начала жить только в половине 50-х годов. Узнав, что я из Польши, не может оторвать от меня взгляда. И в один момент говорит:

- Сына назвала Станиславом. Сташек, - добавляет и улыбается. Позднее повторяет еще это ласкательное имя, как бы припоминая в памяти то время, когда он был дома. Потому как сейчас, сказала тоном тихой скорби, он далеко.

Наконец разговариваем с другой 80-летней женщиной. Помнит поляков, покупала у них хорошую одежду. Продавали, так как голодали. Но поясняет, что приехала в Харитоново только в 1946 году. Родом из Украины. Во время раскулачивания попала с семьей в Сибирь. Только позднее приехала сюда. Выглядит она трезво мыслящим человеком. И вдруг начинает делиться впечатлениями, что виновен во всех мучениях, во всех страшных преступлениях Сталин. Ленин был добрым, хотел как лучше. Поэтому она ежедневно молится за душу Ленина.

Почти из каждого места Харитонова видно, что этот поселок окружает лес. Растет вокруг. Деревня как будто защищается перед ним, опираясь на реку.

По плану мы должны доехать до Тесовой. Там в 1942 году мой дядя Станислав Микке организовал Польский Дом Ребенка и Инвалидов. Некоторых детей, польских сирот, он приносил на руках из отдаленных поселков за несколько десятков километров.

Наконец повстречали мужчину. Человек после 60-ти, помнит, что в Тесовой, около 30 км отсюда, когда-то жили люди. Но дорога там полностью заросла, а все постройки давно разрушились. Так же выглядит Рябово, по дороге в Тесовую - информирует мужчина. Однако там осталось несколько семейств, но проезд туда очень трудный.

Отстаю от моих приятелей, сам хожу по Харитонову. Железнодорожная товарная станция наверняка в том самом месте, что и тогда. Как раз передо мной медленно тянется товарный поезд. На десятках платформ длинные неокрашенные балки. Вероятно, так это выглядело и несколько лет тому назад. Такой же монотонный стук...

Прощаюсь с Харитоновом на высоком, красивом берегу Вычегды. Один из моих товарищей по путешествию говорит:

- Ты один из первых поляков, которые приехали сюда по собственной воле, без кандалов.

Наша справка:

Станислав Микке, адвокат, автор романа и повестей на тему современности. Участвовал в работах по эксгумации в Катыни, Харькове и с. Медное с 1991 по 1996г.